

18+

Александр Мирошник

221 В. ХОЛМС И ИНОПЛАНЕТЯНИН

Рассказы

Александр Мирошник

221b. Холмс и

инопланетянин. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923120
ISBN 9785005000507

Аннотация

Примите участие в расследованиях вместе с Шерлоком Холмсом. Все вымышленные истории происходят в конце XIX века – без компьютеров и других современных вещей, а все реальные истории случились в наши дни. Сюжеты реальных историй полностью правдивы, но в то же время имеют внутреннюю связь с вымыслом. По большому счёту, это повествование о крепкой дружбе главных героев. Общение с Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном доставляет огромное удовольствие, облагораживает душу и обостряет ум.

Содержание

ХОЛМС И ИНОПЛАНЕТЯНИН	5
ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ	14
СТАРОЕ ДЕЛО ХОЛМСА	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

221b. Холмс и инопланетянин Рассказы Александр Мирошник

Наталья Константиновна Мартэн *Редактор*

© Александр Мирошник, 2021

ISBN 978-5-0050-0050-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХОЛМС И ИНОПЛАНЕТЯНИН

Когда случаются продолжительные командировки, моя супруга сопровождает меня. Это традиция нашей семьи. В городе, где мы жили неделю, жена обнаружила магазин гобеленов. В итоге, из поездки мы привезли гобелен размером примерно метр на метр. Хозяйка магазина рассказала, что покупает товар в Санкт-Петербурге, а туда гобелены привозят из Франции. В основном, это копии картин художников, которые современное компьютерное оборудование позволяет вышивать на ткани с высоким качеством. Но если картины Моне, Климта и других мастеров нам были знакомы, то кто нарисовал именно это полотно, мы не знали, и в магазине тоже не знали. Это, собственно, и подтолкнуло меня к вопросу:

– А что можно сказать о художнике по его картине? Если художник известен, то читаем его биографию. А если нет, то расскажет ли картина нам о неизвестном человеке?

Но сначала о самой картине. На ней изображены крупным планом четыре простые, деревянные полки со старинными книгами. Моя супруга выросла в интеллигентной семье, где была большая библиотека и картина пробуждала воспоминания, создавала ощущение уюта. Поэтому, собственно, она её и купила.

По приезду домой гобелен, вставленный в раму, украсил

стену комнаты. Разглядывая его, я решил, что тут можно применить дедуктивный метод Шерлока Холмса. Помнится, Холмс производил ошеломляющее впечатление на слушателей, когда излагал выводы, опуская цепь рассуждений. Потом он растолковывал Ватсону, как пришёл к этим выводам, и читатель вместе с доктором восхищался остротой ума и логикой сыщика. Ватсона рядом не было, но многократные просмотры популярного сериала сделали его присутствие почти осязаемым.

Холмс! Что Вы думаете о человеке, написавшем эту картину?

– Послушайте Ватсон, я вижу, что картина Вам дорога. Вы хотите знать подробности о жизни этого человека? А не боитесь разочарования и горечи от этой истории?

– Ну что Вы, Холмс! Я ведь даже не знаю кто он. Уж точно не мой родственник!

– Скорее всего, так. Я тоже не знаю его имени, но боюсь, что впечатление тепла и уюта, которое производит картина, померкнут при её пристальном изучении. И это чувство уже не вернётся.

– Вы преувеличиваете Холмс. Что бы Вы там не рассказали – это всего лишь ваши предположения.

– Как знать Ватсон, как знать. Предположения становятся убеждениями, если их доказать. Причём, не только моими, но и Вашими. А убеждения меняют отношение к реальности. Но так как Вы настаиваете, то извольте...

Художник родился в состоятельной семье во Франции, но не в Париже. Отец был образованным человеком, и у них была большая библиотека с энциклопедией и справочными изданиями. Возможно, семейным бизнесом было виноградарство и виноделие. Молодой человек не стал продолжателем бизнеса. Он увлекался большим теннисом, был членом престижного клуба и даже получил приз за участие в соревнованиях. Потом уехал в Париж, где изучал живопись. Ему нравился Пикассо, но сам рисовал в классической манере. Когда родители умерли, дом и обстановка были проданы за долги. С собой он забрал несколько книг из библиотеки – сколько смог унести. Материальное благополучие юноши рухнуло. Пришлось поселиться в мансарде в узенькой комнате. Над дверью на двух деревянных полках поместил своё богатство. За неимением места на стенах комнаты памятные фото приколот за книгами канцелярскими кнопками. Потом он заболел и уже не мог выходить на улицу. Денег не было. Хозяин помещения согласился принять в оплату картину большого размера, которую можно повесить внизу, в кафе, для уюта. Художник, сидя на кровати, нарисовал свои две полки с книгами, из которых он сделал четыре, повторив книги со сдвигом вправо для придания больших размеров картине. Грустная история, Ватсон. Грустная история. Вот, пожалуй, и всё, что смогла мне рассказать картина об этом человеке.

– Холмс, но как? ... Я вижу то же самое, ну насчёт того,

что полки с книгами у художника было только две понятно, но где Вы взяли остальные детали?

— Нет ничего проще, дорогой друг. Посмотрите, что стоит на полках! Это старые тома французской энциклопедии в дорогих переплётах и несколько дешёвых современных книжек. Справочные издания посвящены виноделию. Скорее всего, они принадлежали отцу, что видно из того, как книги дороги молодому человеку — он их не продал. А вот и он сам на фото. В руке теннисная ракетка, на другой полке теннисный мяч и приз современного клуба, популярного у богатой молодёжи. Ну не мог он сам заниматься винодельческим бизнесом, не мог, а вот хорошо жить за папин счёт — мог. А почему жил не в Париже, да потому, что вот туристический справочник по городу — зачем он парижанину? Дешёвое издание. Конечно, молодой человек приобрёл его потом, когда с последними позитками приехал в столицу. Про то, что он пробовал себя как художник, говорит брошюрка о Пикассо, эскизы пейзажей, приколотые кнопками за книгами и кисточки в стакане. Вот, собственно, и все факты. Остальное — мои догадки. Однако, о крайней нужде свидетельствует сильный контраст между дорогими старыми и дешёвыми новыми вещами и эти две грубые полки, которые художник нарисовал как четыре.

— Действительно все просто — после того как Вы объяснили, Холмс.

Глядя на гобелен и воображая приведённый диалог, я

вспомнил события, случившиеся со мной в далёком детстве. Нет, не вспомнил – увидел. Тот мальчик думал, говорил и чувствовал совсем не так как я сегодня. Для меня он инопланетянин на планете, где и сейчас 1956 год. Ему шесть лет. Родители впервые привезли его к бабушке и дедушке на лето. У них был свой дом в Алма-Ате. Там мальчик выживал в непривычном и непонятном мире. Вокруг тревога. Единственный способ ориентироваться – запоминать как можно больше информации. Что пригодится – неизвестно. Зато потом, когда возникнет реальная угроза, можно из памяти достать то, что нужно. Конечно, многих детей, когда они не понимали ситуации, охватывал страх, и тогда они громко плакали, надеясь на то, что, вот, придёт добрый взрослый человек, успокоит и решит проблему. Но этот мальчик был так устроен, что думал и решал проблемы сам.

В воскресный день дедушка поехал с внуком на трамвае через весь город в «Парк культуры и отдыха». Он намеревался погулять с внуком и посетить зоопарк. Приехали. В парке много людей. Дорога проходила мимо озера, где проводились соревнования моделей кораблей. Громко чихали бензиновые моторчики, корабли были очень красивыми. Особенно, длинный серый военный корабль с маленькими пушками. На это стоило посмотреть! Корабли плыли от берега до середины озера, разворачивались вокруг буйка и возвращались. Время остановилось. Мальчик ничего не видел кроме кораблей. Он протискался среди детей к самой кром-

ке воды и замер в восторге. Когда приплыл последний корабль, толпа стала расходиться. А где дедушка? Быстрая паника и беспорядочный поиск сменились оцепенением от сознания случившегося – он остался один!

Мальчику и в голову не пришло плакать или просить помощи у взрослых. Конечно, он тогда ещё не читал детективов и не видел кино, но дедуктивный метод работал сам по себе. Нужно идти домой. Дом там, откуда приехал трамвай. Трамвай у выхода из парка... вперёд!

Люди идут к озеру, следовательно, идти нужно в другую сторону. Вышел из парка. Площадь, автобусы, а трамвая нет. Значит, не та дорога. Вернулся с людьми к озеру. Снова пошёл против потока. А вот с этого места виден выход из парка, где нет трамвая, но люди ещё идут и с другой стороны. Вперёд, именно туда. Шёл долго, наконец, показался другой выход из парка. В отдалении прозвучал звонок трамвая. Туда! Вот и остановка.

Трамваи тогда были почти наполовину сделаны из дерева – оконные рамы, двери. Там обязательно сидел кондуктор, который поворачивал пшикающий воздухом кран – открывал, закрывал двери и продавал билеты. Ступеньки высокие, на них, конечно, можно забраться, но как получить билет. С родителями мальчик жил в маленьком горняцком городе. Ему ещё не приходилось что-то покупать самому, но он понимал, что для этого нужно. Люди давали кондуктору монетки и получали билеты. У него не было монет, следовательно

но, билет недоступен. Мальчик не знал, что для детей проезд бесплатный. Он думал, что если у него не будет билета, то кондуктор отдаст его милиционеру. А вот это было ужасно стыдно и совершенно невозможно... , трамвай закрыл двери, звякнул и уехал.

Мальчик пошёл по тротуару в сторону, куда уехал трамвай. В ту пору в районе парка была частная одноэтажная застройка. Высоких заборов не было. Обычный штакетник отделял палисадник перед домом от тротуара. Стоял солнечный летний день. Мирно журчала вода в арыках. Только мальчику было холодно. Все его существо замёрзло внутри, но снаружи он был спокоен. Шёл деловито. Только бы никто не догадался, что он потерялся! Только бы не узнал! Почему-то он очень боялся этого.

Одну за другой переходил узкие улицы. Транспорта не было. Но вот пошли многоэтажные дома. Первая широкая улица, по которой едут машины. Остановился, стал наблюдать. Когда другие люди начали переходить дорогу, пошёл и он. Так научился переходить дороги.

Другая беда, очень хотел пить. Как хорошо, что на планете того времени были водоразборные колонки. В центре города водопровод уже подводили к домам. Колонками не пользовались, но их ещё и не убрали. Чтобы из носика колонки пошла вода, нужно было нажать на тугой рычаг вверх. Колонка была довольно большая, в рост мальчика. Нажать на рычаг получалось, только если схватиться за него двумя рука-

ми и повиснуть. Вода шла, но как же её пить? Правда, потом удавалось поймать ртом несколько последних капель. Проходивший мужчина подошёл, нажал на рычаг и сказал:

– Пей пацан.

Напился, подставляя ладошки под тугую струю. Облил колени и сандалии. Хотел сказать:

– Спасибо, дядя,
но мужчина уже ушёл.

Дошёл до большой площади. Трамвайные пути шли прямо через неё. Пришлось обходить далеко, мимо дома с колоннами. Мальчик не знал названий улиц, а их он пересёк 54. Не знал, сколько прошло времени. Только солнце стало не таким жарким и тени стали длинными. Час проходил за часом, а мальчик всё шёл с застывшим на лице спокойным и деловым выражением.

Конечно, к тому времени дедушка и бабушка уже написали заявление в милицию. Все постовые в городе получили описание потерявшегося ребёнка.

Бабушка была дома – она плакала, а дедушка каждые полчаса ходил в милицию. Там ему говорили:

– Ищем. Пока результатов нет.

Родителям решили до ночи не звонить.

Мальчик подошёл к длинной парковой зоне, которая тянулась вдоль территории машиностроительного завода. Это место он уже узнал, так как гулял тут с дедушкой раньше. Холодный ком в душе начал таять. Он продолжал идти вдоль

трамвайного пути, но уже улыбался. К тому времени было пройдено пятнадцать километров маленькими шагами. Примерно 40 тысяч шагов. И вот, наконец, он увидел поворот на свою улицу. До свидания, трамвай! Вперёд, вперёд, к дому!

Странно, калитка была распахнута, дверь тоже. Мальчик на веранде вымыл руки, пошёл на кухню и сел к столу. Дедушка в спальне утешал бабушку и снова собирался идти в милицию. Услышали шум в доме. Выбежали из спальни. За столом сидел внук и показывал ладошки:

– Бабушка, я хочу кушать, руки чистые!

Холмс! Ну почему Вы решаете проблемы, а у меня это не выходит?

Дорогой друг, Вы сами ответили на этот вопрос. Проблемы я решаю сам, а Вы рассчитываете на мою помощь.

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ

Любимое время у человека не лето, не зима, а отпуск. Мы с женой планировали его заранее, как правило, за несколько тысяч километров от дома. В тот раз решили побывать в Лионе, во Франции. Собственно, там мы уже были раньше, супруга неоднократно, а я один раз, несколько лет назад. Однако, это был особый случай.

Дело в том, что мне нравилось читать собрания сочинений французских прозаиков XIX века. Прекрасная библиотека досталась в наследство от родителей. В шестидесятые годы они подписывались на приложения к журналу «Огонёк» и получали книги по подписке. Собрания сочинений я читал от первой страницы первого тома до последней страницы последнего тома, включая биографию автора, его письма, комментарии к тексту и другие приложения. Именно так получал максимальное удовольствие. Пока читал, хорошо узнавал автора, он становился близким другом, общение с которым приятно скрашивало досуг.

Тот год для меня был годом Проспера Мериме. В одном из томов, при описании посещения автором Лиона, содержались сведения о необычной картине кисти Рубенса. Мы с женой решили посмотреть эту картину. По опыту знаю, что когда есть определённая цель, то путешествие становится вдвойне интересней.

Итак, скоростной поезд ТЖВ доставил нас из Парижа в Лион на знакомый вокзал Перраш. Остановились рядом в гостинице «Кампаниль» и на другой день пошли искать музей. Он оказался расположенным на площади, восточную сторону которой занимал фасад мэрии города, а сам музей разместился на северной стороне в старом здании бывшего монастыря. Картину Рубенса сразу увидели на втором этаже в большом зале. Это было огромное полотно, закруглённое сверху, размером примерно 3 на 4 метра, и оно занимало весь простенок. С двух сторон находились проходы в следующий зал. Картина оказалась точно такой, как её описал Мериме 170 лет назад. Захотелось узнать её историю, но на стойке информации у входа сказали, что сведений об этой картине у них нет. Не было репродукций или другой информации и среди литературы в коммерческом отделе.

Ну да ладно, – подумал я – потом прочитаю в Интернете. Так и сделал после возвращения из отпуска. Выяснилось, что музей имеет подробный сайт на многих языках мира, даже на саха, который содержит перечень всех картин Рубенса, представленных в экспозиции, а вот именно эта картина в перечне отсутствует. Направил запрос в музей по электронной почте, но ответа не получил, и история стала попахивать детективом.

Через пару лет мы с женой решили встретить Новый год в Вене. Время поджимало, а где находится консульство Австрии в нашем городе, узнать не могли. Поэтому решили

взять шенгенскую визу привычным способом во французском консульстве, а уже из Франции махнуть в Вену. И вот, самолёт «Эйр-Франс» благополучно доставил нас из Амстердама в Лионский аэропорт «Сент-Экзюпери». На этот раз остановились в «Гранд отель Меркур Шато Перраш», в том же районе и снова отправились в музей. Картина на месте, а вот информация, по-прежнему, глухо заблокирована.

Впоследствии я думал об этом, специально читал литературу о жизни и творчестве Рубенса и, кажется, нашёл ответ на вопрос – как так случилось, что огромная картина великого художника уже, как минимум, 170 лет висит в музее, а сведений о ней нет?

Думаю, это дело понравилось бы моему любимому герою Шерлоку Холмсу.

– Да, это интересное дело, Ватсон.

– Вы о чем, Холмс? Вряд ли о книге, которая лежит перед вами. Уж больно она старая на вид и, к тому же, на французском языке. Кстати, я не знал, что вы читаете французские романы в оригинале!

– В выводах из своих наблюдений, дорогой друг, Вы сделали две ошибки. Во-первых, как Вам известно, моя бабушка француженка и, поэтому, французский язык в нашей семье был вторым после английского, а для меня в детстве, так, пожалуй, и первым. Во-вторых, даже англичанин, по-моему, может понять, что заголовок этой книги «Карне де вуаяж» означает «Путевой дневник», а не название романа. Книгу

привезли из посольства Франции вместе вон с тем письмом, которое лежит на столе по правую руку от Вас. Можете его прочесть, оно написано по-английски.

После прочтения Ватсон отложил письмо в сторону.

– Очень рад Холмс, что министерству культуры Франции понадобились Ваши консультации по вопросам живописи. Не знал, что Вы такой большой эксперт в этой области. Впрочем, помню, что в Баскервиль-холе Вы без труда отличили портрет кисти Неллера от портрета кисти Рейнольдса.

– Не преувеличивайте мои скромные способности, дорогой друг, я мало что смыслю в колористике и композиции. Тут речь идёт о сюжете картины, точнее, о его криминальных аспектах. Меня просили высказать своё мнение по вопросу – Стоит ли выставлять на всеобщее обозрение одну из картин Рубенса, или лучше её хранить в запасниках для узких специалистов?

Сначала мне предложили сообщить своё мнение в краткой записке, на что я ответил, что для этого потребуются поездка во Францию и месяц времени. Человек из посольства, с которым я разговаривал, удивился и спросил:

– А если бы Вас попросили изложить свои мысли устно и без всяких ограничений, сколько времени заняла бы подготовка?

Мой ответ:

– Да хотя бы прямо сейчас! Понимаете, краткая запис-

ка – это документ, основанный на большой предварительной работе. Именно такое мнение специалиста имеет цену и накладывает на него ответственность. А рассуждения, типа «с одной стороны... но с другой стороны...» бессмысленны и безответственны. В посольстве согласились с моими доводами и вот, дорогой друг, нам оплачивают командировку во Францию.

Надеюсь, Вы можете составить мне компанию, ведь я специально настоял на том, что мне нужен помощник. Если не можете, то, всё равно, поезжайте. Кстати, эта книга не путеводитель, а издание официального отчёта Проспера Мериме, написанное полвека назад для министерства культуры. Так как, едем? Ваша медицинская практика допускает длительное отсутствие?

– Думаю Холмс, что это возможно, только мне потребуется несколько дней, чтобы навестить пациентов и договориться с другими врачами о замене.

– Отлично, значит, через неделю едем в Лион. Это почти юг Франции. Иногда Лион называют кулинарной столицей страны, так что наше путешествие, надеюсь, будет приятным во всех отношениях.

Уже наступил сентябрь, но в тот день Ла-Мани был относительно спокойным. Свежий ветер дул со стороны Северного моря. Стоя у перил на прогулочной палубе, Холмс наблюдал за альбатросами и слушал воспоминания Ватсона о Восточной кампании, в которой тот принимал участие

как военный врач.

Ватсон приводил примеры, когда люди с риском для жизни спасали товарищей. Что ими двигало? Они ведь толком даже не знали людей, за спасение которых готовы были отдать свою жизнь. Действовать приходилось быстро, без взвешивания рисков, на уровне инстинкта – надо спасать и всё! Конечно, попадались трусы, но их, как правило, первыми доставали пули противника или даже от выстрела в спину. Подводя итог, Ватсон сказал:

– Я так думаю, Холмс, что в основе поведения человека в момент опасности лежит подсознательное стремление к сохранению своей личности. Причём, не столько тела, как души. Ведь если человек бросит людей в беде, то его личность разрушится, и жить ему потом будет хуже, чем умереть.

– Глубокая мысль, дорогой друг, – заметил Холмс, – кстати, думаю, что она имеет прямое отношение к цели нашей поездки.

Из Кале друзья на поезде прибыли в Париж, где не стали задерживаться. На Северном вокзале взяли экипаж и через центр города отправились на Лионский вокзал. Удобно разместились в вагоне первого класса, пообедали и, уже когда за окном поплыли поля Бургундии, продолжили разговор.

– У этого дела, Ватсон, главным является моральный аспект. Как детектив-консультант я на практике не всегда следовал букве закона. Так не должен поступать Ле-

стрейд или другой профессиональный полицейский. А вот мне доводилось иногда отпускать преступника, конечно, если преступление не имело трагических последствий, и личность человека внушала доверие. Считаю, что иногда отпустить человека – это то же самое, что его спасти. Вы же помните, как одна дама из «лучших» побуждений выкрала у мужа служебный документ и передала его шантажисту. Только по случайному стечению обстоятельств нам удалось вернуть документ на место и предотвратить катастрофу. А теперь, представьте, что было бы, если бы я, руководствуясь буквой закона, передал дело в полицию. Да этот муж умер бы от горя, а его жена захла в тюрьме. Пришлось стать укрывателем преступника. Зато теперь они счастливы и, думаю, урок хорошо усвоен.

Утром, уже в гостинице, друзья сидели за завтраком или «маленьким обедом», как говорят французы. Ватсон высказал удивление, что персонал гостиницы не говорит по-английски. На что Холмс ответил:

– Удивляться тут нечему. Столетняя война прочно заложила у французов неприятие англичан и наоборот. Даже в галерее Мадам Тюссо, единственная восковая фигура, которая доступна для осмотра без билета, это Наполеон. Вы, наверное, обратили внимание, что он стоит у входа в кассовый зал и скорбно смотрит на макет битвы при Ватерлоо.

Кроме того, французский язык очень музыкальный, и это

находит отражение в восприятии других языков. На французское ухо английский язык действует так же, как на ваше ухо скрип гвоздя по стеклу. Поэтому, если хотите расположить человека к себе, то говорите по-французски. А когда не знаете, как что-то сказать, спросите у меня. Подскажу потихоньку. Только не называйте официанта «гарсон». Вообще-то, это слово означает «мальчик» и кого-нибудь может обидеть. Советую попробовать мягкий козий сыр. Это вкусно.

После завтрака Ватсон выразил желание сразу идти в музей, но Холмс возразил, что спешить не следует, так как это повредит главной цели поездки – понять, какое впечатление производит картина на посетителей.

– В запросе министерства речь идёт о тех людях, которые видят её впервые. Поэтому, по возможности, самим надо стать такими, вжиться в образ, для чего лучше сначала познакомиться с историческими местами города, почувствовать его особенности, поговорить с горожанами. Это ведь уникальный город. Пожалуй, он единственный в мире, где не было разрушительных событий вроде осад, пожаров, наводнений или неумной страсти властей к перестройкам как в Париже, например. Поэтому и римские сооружения, и средневековые дома сохранились очень хорошо. Расслабьтесь, дорогой друг, нас не преследует Мориарти.

Три дня дружба неспешно бродили по римскому форуму, средневековым улочкам и набережной Роны. В кафе беседо-

вали с горожанами. Собственно, беседовал Холмс, а Ватсон обычно сидел, греясь на солнышке, дегустировал какой-нибудь деликатес и наслаждался покоем. Холмса особенно интересовало отношение собеседников к преступлениям, о которых сообщалось в газетах. Мнения о преступниках разнились от «Стрелять их надо без разбора» до «Не суди да не судим будешь». Наиболее содержательной стала беседа с профессором Лярошем, преподававшим историю в Университете.

На замечание Холмса о том, что лионская тюрьма является самой большой в стране, месть Лярош разразился целой речью. Он сказал, что город основан на заре нашей эры отставными римскими солдатами, которые заработали пенсии и хотели прожить остаток жизни в покое. За полтора тысячелетия люди мало изменились, потому и тюрьма большая. Использование труда рабов плавно перешло в эксплуатацию людей аристократами-латифундистами, сделавшими свободных подданных короля своими вассалами. Контроль над душами всегда был у церкви, но когда на смену разным Богам пришёл единый христианский Бог, то лик его был суровым! Орден иезуитов «К вящей славе Божьей!» оправдывал присвоение церковью собственности. Пылали костры инквизиции. Что делать, если голод и неурожай – сжечь ведьму! Просто и быстро. Посланники Папы бойко торговали индульгенциями. Плати и покупай отпущение грехов: за 5 реалов прощается убийство обычного чело-

века, за 10 – убийство родителей, самый тяжкий грех тянул на 15 реалов – убийство священника. Гугеноты уходили в Швейцарию к протестантам. Паства приходов редела с каждым днём... На такой ноте беседа с месье Ларошем прервалась, так как он спешил в Университет на лекцию.

Утром друзья отправились в музей, и Холмс предъявил письмо французского посольства. Без лишних формальностей служитель провёл их в комнату, где висела картина. На табличке, прикреплённой к стене справа от полотна, было написано «Пауль Рубенс. Святые спасают Землю от Иисуса Христа».

На планете Земля стояло тёплое лето 1973 года. Молодой человек, аспирант политехнического института второго года обучения спешил, так как заказанное время для работы на компьютере приближалось. Обычно он шёл до учебного корпуса пешком, однако на этот раз решил проехать две остановки на автобусе. Городские автобусы в то время были такой конструкции, что водители отделялись от пассажиров глухой перегородкой со стеклом и небольшим раздвижным окошком вверху. Из салона нельзя было попасть к месту водителя. Это замечание существенно для повествования. День выдался жаркий. Народу в автобусе было много. Пришлось стоять, прижимая к себе портфель. Улица поднималась на холм, следующая остановка располагалась в верхней точке, после которой дорога шла под уклон. Автобус остановился, двери открылись. Молодой человек начал протиски-

ваться ближе к переднему выходу, так как уже на следующей остановке нужно было выходить. Автобус плавно двинулся с места.

Внезапно, в салоне закричала женщина:

– А где же водитель? Никого нет за рулём!

Возле перегородки водителя началась паника, причины которой остальным пассажирам в первый момент были непонятны. Выглядело всё так, будто произошла ссора и поэтому люди кричали и толкались. Те, кто были поближе к передней двери, стали выскакивать на тротуар и отбегать в сторону. Прямо перед молодым человеком вскочил с кресла мужчина и выпрыгнул из автобуса.

Одного взгляда в стекло перегородки было достаточно, чтобы оценить опасность ситуации. Дорога шла вниз с поворотом влево. Левая сторона улицы была ограждена высоким забором, за которым шла стройка, и те, кто выезжал навстречу из-за поворота, не видели участок дороги перед собой. Водитель автобуса, перед тем как уйти, развернул колеса в сторону от остановки, поэтому машина двигалась по направлению к встречной полосе. При таком раскладе, столкновение с транспортом, выезжающим из-за поворота, было неизбежным.

Молодой человек бросил портфель на сидение и тоже выпрыгнул в открытую дверь. Он обежал автобус спереди и оказался возле двери в кабину водителя. Хотя автобус ещё не успел разогнаться, приходилось бежать рядом. Дверь рас-

полагалась высоко, и дёрганье за ручку позволило открыть её только с третьей попытки. Повиснув на открытой двери, чтобы сравнять скорость, с трудом, попал ногой в специальную углублённую в корпус подножку. Когда это получилось, то лёг на кресло водителя животом, так как сесть вправо, имея опорой одну правую ногу, было невозможно. Кое-как забрался на кресло и сразу стал смотреть вниз, на педали. Их было три. Нажал на одну. Двигатель громко зарычал. Подумал:

– Газ!

Нажал на другую педаль и машина, сильно дёрнувшись, встала. Облегчённо вздохнул и только теперь посмотрел в переднее стекло. Автобус стоял посередине дороги в нижней части спуска перед поворотом. Прямо в лицо из-за забора выскакивали машины. Водители, внезапно увидев перед собой автобус, нажимали на газ, на сигнал и с рёвом и гудками пролетали мимо. На всякий случай, отвернул колеса вправо, однако ногой продолжал давить на спасительную педаль тормоза. Подумал:

– Где-то должен быть ручник.

Ничего похожего сначала не нашёл, но потом увидел небольшую рукоятку слева, перед дверью. Повернул её и услышал звук пневматики

– Пш... шик.

Решил потихоньку ослабить нажим на педаль. Машина стояла, значит это был и в самом деле ручной тормоз. Осмот-

рел рукоятку и заметил, что на ней имелся подпружиненный фиксатор, который, по идее, должен был позволить повернуть ручку только после того, как на него нажмёшь. Однако, пружинка потерялась, фиксатор сломался и, по-видимому, когда водитель выбирался из кабины, то одеждой задел эту рукоятку и случилось то, что случилось.

Нажал на сигнал, однако в общей какофонии сам его почти не услышал. За спиной, в салоне ругалась женщина, а другая ей объясняла, что за рулём сидит не водитель, а другой человек, и ругать его нечего. Оборачиваться не стал. Просто сидел и ждал, когда же объявится незадачливый шофёр. Сначала думал на него напустить, но потом как-то перегорело. Наконец дверь приоткрылась, и коренастый небритый мужик появился внизу. Правой рукой он держал бумажный пакет и бутылку лимонада.

– Чё тут делаешь? – мрачно спросил водитель.

– Ты лучше посмотри, где машина стоит. Тормоз чинить надо. Сейчас обойду машину, а ты не уезжай, пока не сяду. Я в салоне портфель оставил.

Молодой человек обежал машину и вошёл в переднюю дверь. В лицо его никто не узнал. Он взял портфель. Дверь закрылась, и машина тронулась. Женщины через окошко ругали водителя, тот молча вёл машину, не оборачиваясь и, как-то даже, втянув голову.

На остановке молодой человек вышел и с минуту стоял, глядя в след удаляющемуся автобусу.

Огромная картина вставлена в массивную раму. В верхней части полотна, как и подобает небожителю, на облаке Иисус Христос разгневанно потрясает молниями. По правую его руку Дева Мария в голубой одежде пытается утешать сына, слева и выше Бог Отец спокойно смотрит на происходящее. Внизу много людей, неправедная жизнь которых, собственно, и вызвала гнев Иисуса.

В правом нижнем углу изображена Земля, очень похожая на школьный глобус, повернутый к зрителям Средиземным морем с прорисованным сапогом Италии. Возле глобуса изображены две фигуры святых, одетые в длинные бурые плащи. Полами плащей Святые прикрывают Землю, а свободные руки повернули ладонями вниз, также пытаясь прикрыть её от молний. Они не молят Бога, их лица суровы, рты сомкнуты, взгляды обращены вверх. Фигуры как-бы говорят зрителю:

– Нет, мы не дадим уничтожить Землю!

Холмс и Ватсон присели на мягкие диванчики, поставленные напротив картины, и долго сидели, молча глядя на полотно. Служитель ушёл, в зале не было других посетителей. Тишина, музейный запах старых картин и пыли удивительным образом создавали атмосферу раздумий, когда становилось очевидным, что «слово изречённое – есть ложь».

На другой день Ватсон отправился посмотреть мастерскую жаккардовых тканей, а Холмс снова вернулся в музей.

Они так и не обсудили картину. Только через неделю, уже в Лондоне, на Бейкер-стрит, устроившись в креслах у камина, Холмс начал разговор о поездке.

— Благодарю Вас, дорогой друг, за то, что до сих пор не говорили со мной о посещении музея. Мне нужно было спокойно подумать, прежде чем прийти к определённым выводам. Признаться, меня очень интересует ваше впечатление от картины Рубенса.

— Холмс, я видел то же, что и Вы. Аллегорию. Фигура Иисуса Христа очень мало общего имеет с обычным изображением в соборах. Она похожа на Зевса из греческой мифологии. Для Рубенса эта фигура была олицетворением сил природы. Люди, которые изображены внизу, все прекрасны. Среди них нет образов злодеев, а ведь, по идее, именно их преступления разгневали Бога. Поэтому, вероятно, Рубенс изобразил вообще не Иисуса, а образ слепых сил природы в мужском облике. Мы не видим блестящих от гнева глаз, так как лицо повёрнуто вниз. Везувий засыпал раскалённым пеплом Помпею и Геркуланум, наводнения, землетрясения, ураганы, штормы унесли тысячи человеческих жизней, не разбирая, кто праведник, кто грешник. Другой вопрос, почему именно так Рубенс назвал своё полотно? Думаю, что всё дело в реформации церкви, которая происходила в тот период.

До пришествия на землю Иисуса кары небесные обрушивались на людей за всякие отступления от Заповедей. Че-

го стоит один Всемирный Потоп. Кстати, археологи находят свидетельства существования цивилизаций сотни тысяч лет назад, в то время как Сын Божий по историческим меркам родился совсем недавно. Он принял на себя грехи людей и, тем самым, отнял у них право карать. Смертный человек должен любить своего ближнего, а кары на грешников падут в аду. Наверное, это главный вывод.

– Глубокий анализ Ватсон, однако, противоречивый. Зачем же карать одновременно всех живущих на земле, если для каждого есть Божий суд на небе. И, потом, центральная фигура не Зевс, а именно Иисус, о чем однозначно говорят другие небесные персонажи. Картину Рубенс написал по заказу местного епископа, портрет которого тоже присутствует среди народа. Вспомним, что в Париже Рубенс заполнил залы Лувра огромными полотнами с историей королевы, где были использованы персонажи греческой мифологии. Поэтому, проект в Лионе, скорее всего, коммерческий, а фигуры шаблонные. Все, за исключением двух Святых. Обратите внимание на них. Как Вы думаете, есть ли хотя бы один шанс спасти людей на Земле, если их решил уничтожить Бог?

– Очевидный ответ, Холмс, нет шанса!

– Верно, Ватсон, это прекрасно понимал и Рубенс и, тем не менее, он нарисовал двух человек, которые взяли на себя невыполнимую миссию и бросили вызов ради любви к людям. И я буду рекомендовать французам выставить картину для

свободного доступа, как высокогуманное произведение, имеющее огромное воспитательное значение.

Понимаете, дорогой друг, деяния человека, сама возможность обрести счастье зависят от того, где он по жизни ставит запятую в предложении «Любить нельзя убить».

СТАРОЕ ДЕЛО ХОЛМСА

Командировка в Лондон прошла на конференции. Супруга днём осматривала город, а вечером мы встречались под скульптурой коней, запряжённых в колесницу на Вестминстерском мосту, или возле кафе в парке Сент-Джеймс. Наступила суббота, и было решено провести два дня перед отъездом из Англии в Кембридже, так как там у нас образовалось небольшое дело. Собственно, дело заключалось в посещении выставки картин голландских художников, которая проводилась в местном историческом музее. Выйдя из музея, зашли пообедать в ресторанчик, расположенный на противоположной стороне улицы. Наверное, этому заведению было не меньше трёхсот лет: толстые стены, маленькие окна, почерневшие дубовые балки под потолком – всё говорило о почтенном возрасте. Легко было представить, что здесь могли обедать мои любимые герои – Холмс и Ватсон.

– Отличная рыба, Холмс!

– Да ..., думаю, что её доставляют на баржах с побережья, проверим. Хозяин! Рыбу сами поймали на уикенд?

– Что Вы, сэр, это морская рыба, сегодняшний улов, доставляется прямо из Кинг-Линн!

– Спасибо, очень вкусно! Вот так, Ватсон. Стоит слегка задеть самолюбие и Вам расскажут всё. А Вы никогда не задумывались, дорогой друг, над тем, как со временем ис-

кажется восприятие событий. Зачем, например, древние римляне строили во всех завоёванных ими городах амфитеатры – дорогие и сложные сооружения?

– Думаю, Холмс, это того стоило. Христианства тогда ещё не было, и вот, вместо веры в божественную природу власти требовалась вера в правителя-идола. Поэтому периодически под предлогом развлечений все жители города собирались в амфитеатре, где ощущали себя единым народом. А наместник, назначенный императором, вот он – на почётной трибуне. И даже сам император здесь, в виде каменной фигуры, возвышающейся над всеми. Для поддержания уважения к власти одних легионеров мало. Это местные варвары подчинялись из страха, а для римлян нужна была вера.

– Прекрасный анализ, Ватсон! Однако, учтите, что борьба за власть приводила к частой смене императоров. Что делать со статуей? Заказывать новую? Но это долго и дорого. Вот тут мы и встречаем пример ханжества и прагматизма вместе! У статуи меняли только голову, которая насаживалась на железный штырь, вделанный в шею. Фигура, задрапированная в тогу, оставалась прежней. Понимаете, приходит новый император «на многие лета», все ему клянутся в верности, а меняют только голову, так как думают, что скоро придётся снова её менять. Сейчас конец XIX века, а люди те же... Вот скажите, как называется модель кресел, в которых мы сидим дома, на Бей-

кер-стрит перед камином?

– Знаю! Эта модель называется «вольтеровское кресло».

– Верно. А почему?

– Думаю, Холмс, что из-за подголовника. Вольтер ведь был мыслителем и в старости, наверняка, любил сидеть в таком кресле и размышлять. Если нечаянно заснёшь, то не беда – голова удерживается подголовником и не падает ни вправо, ни влево.

– Это было бы хорошее объяснение, мой друг, если бы не было ошибочным. Я видел подлинное любимое кресло Вольтера, есть даже его прижизненный скульптурный портрет в этом кресле. Так вот, спинка кресла едва достигает середины спины человека. В старости Вольтер был энергичным, мысли свои записывал. И это он бы заснул, размышляя в кресле? А модель кресла так назвали, чтобы тешить самолюбие обычных людей. Сидит такой человек и дремлет. Переваривает сытный обед, вся кровь прилила к желудку, голова ничего не думает вообще. Но если он сидит в кресле, и вы знаете, что это кресло «вольтеровское», то со стороны, кажется, что умный человек погрузился в глубокие думы. Так реклама потакает мелкому самолюбию, а желание продать товар приводит к искажению фактов. Прагматизм и ханжесство двигали поступками большинства людей во все времена. Кстати, мы сюда приехали именно для расследования дела, в основе драматических событий которого лежат эти понятия. Если закончили тра-

пезу, то пошли.

Солнечный день создавал иллюзию лета, хотя был конец ноября. Друзья направились к большому белому дому по бульварной мостовой, камни которой были крепко вбиты в землю тысячами ног, копыт и колёс. Ограда дома оказалась низкой, но изобиловала кованными острыми изогнутыми штырями, назначение которых было не совсем понятно, так как человек мог свободно пролезть между ними. Возможно, архитектор хотел предотвратить только подъезд лошадей к дому.

— Ну вот, мы и пришли... Перед вами, Ватсон, музей Фергюссона. Это здание построено полвека назад специально как музей на деньги этого господина. Редкий случай, когда человек, даже весьма состоятельный, жертвует большую сумму на строительство именно музея. Притом, что он не был учёным или собирателем древностей. Любопытный факт, не правда ли? Вам станет ещё интересней, если я скажу, что ко мне обратились его родственники с просьбой выяснить, чем вызвано такое решение их предка. Подозревают семейную тайну. Конечно, просто увековечить своё имя в названии музея хороший мотив, но потомки не хотят иметь «скелеты» в своём шкафу. Как Вам такое дело? Ни погонь, ни Скотленд-Ярда.

— Интересно, Холмс, но ведь прошло много лет. Дело давнее. Преступления, скорее всего, нет, улик нет, следов и очевидцев тоже нет. Но хорошо уже то, что мы прокатились

сюда за счёт заказчика! Спасибо, что взяли меня с собой. Приятно вынырнуть из лондонского тумана хотя бы на денёк.

— Давайте присядем на эту скамью у входа. Прежде чем мы начнём осмотр музея, Ватсон, хочу пояснить, что возможно преступление, все-таки есть, а улики могут храниться как экспонаты. Дело в том, что пра-прадед господина Фергюсона был очень набожным человеком, далёким от коммерции. Он был священником в небольшом приходе в маленьком городке в Суррее. И вот его сын, получил от отца в наследство кругленькую сумму, на которую он начал весьма прибыльную в то время торговлю чаем и другими колониальными товарами. Успех сопутствовал ему, и, в свою очередь, его сын — господин Фергюсон, продолжил дело. Он построил здание музея, а затем много лет оплачивал приобретение экспонатов и содержал музей, который потом передал в дар городу. Моя рабочая гипотеза заключается в том, что большие деньги достались бедному священнику преступным путём и два поколения его наследников хранили тайну. Последним хранителем и был господин Фергюсон, который не сообщил её детям, однако попытался успокоить совесть, построив музей. А теперь давайте пойдём и посмотрим экспонаты. Дорогой друг, прошу обращать внимание на какие-либо детали, вызывающие ассоциации со словами «прагматизм» и «ханжесство». Потом поделимся впечатлениями.

Войдя в высокую парадную дверь, Холмс и Ватсон остановились у стойки, за которой сидела приветливая пожилая дама.

– Добрый день, джентльмены. Вход бесплатный. Благодарительные пожертвования приветствуются. Советую начинать осматривать музей со второго этажа. Прошу пройти вверх по этой лестнице.

В просторном вестибюле справа и слева высокие двери вели в залы, а на второй этаж поднималась широкая лестница. Около часа друзья осматривали экспозицию, охватывавшую период от средневековья до начала XIX века. Больше всего Холмса заинтересовал зал на первом этаже, расположенный справа от входа. Он был уставлен высокими застеклёнными шкафами с доспехами и различным старинным оружием.

Выйдя из музея, друзья подождали кэб и поехали на железнодорожную станцию. Уже когда поезд подъезжал к вокзалу Кинг-кросс в Лондоне, Холмс вынырнул из глубокой задумчивости.

– Ну, на что Вы обратили внимание, Ватсон?

– Доспехи. Какая тонкая ювелирная работа – сделать прочный железный костюм подвижным за счёт множества пластин сложной формы, закреплённых на шарнирах. Просто чудо инженерной мысли. Они чем-то похожи на часовой механизм. Наверное, точностью подгонки деталей. Даже не верится, что такое могли делать ремесленники че-

тыреста лет назад. Но это, по-моему, никак не относится к ханжеству. Вот ещё, меня впечатлила шпага длиной около двух метров. Я подумал, что сражаться таким оружием было бы очень неудобно, и специально поговорил со служителем. Он объяснил, что такие шпаги использовали всадники до распространения огнестрельного оружия. Большая длина шпаги позволяла не подпускать врага, что обеспечивало преимущество в бою. Кроме того, на седле делали специальный зажим, фиксировавший шпагу вправо или влево. Что при быстрой езде, иногда, позволяло ранить противника или его лошадь. Но, как я думаю, это тоже не совсем то, что мы искали.

— Дорогой друг, конечно, доспехи и шпаги — это вооружение. Тепло, тепло. Но как я вижу, со словом «ханжество» вы их не связываете. Спасибо, что нашли время съездить со мной в Кембридж. Думаю, что Ваши пациенты ждут своего доктора. Буду рад, если завтра Вы зайдёте на Бейкер-стрит. Я как раз наведу кое-какие справки, и мы подведём итог этому делу.

На другой день, в Лондоне стояла обычная погода — серое небо и холодный туман. Возле галереи мадам Тюссо бойко шла рождественская торговля, хотя до Рождества было ещё много времени. Повернув направо на Бейкер-стрит, Ватсон увидел, что на противоположной стороне улицы у дома 221b стоит дорогой экипаж.

— Наследники Фергюсона пожаловали, — подумал Ватсон.

Дверь открыла миссис Хадсон:

– Проходите доктор, Вас уже ждут.

В креслах перед камином сидели Холмс и незнакомый человек, одет он был безупречно. Человек встал, а Холмс остался в кресле.

– Познакомьтесь, Ватсон! Это Генри Фергюсон. Генри, это доктор Ватсон.

Рукопожатие было крепким, ладонь сухой и тёплой. Приятное впечатление довершила открытая улыбка.

– Рад знакомству, сэр. Я с интересом читал Ваши публикации о мистере Холмсе и считаю Вас выдающимся писателем. Однако, прошу не описывать подробности этого дела для широкой публики. Понимаете, у меня есть сын и если что не так, то я сам ему расскажу. А родственникам и знакомым дела давно минувших дней из истории нашей семьи знать ни к чему.

– Согласен, даю слово не использовать в печати материалы Вашего дела.

– Спасибо, доктор.

Генри сел на стул, а Ватсон расположился в своём любимом кресле. Миссис Хадсон принесла поднос с тремя бокалами шерри. Тепло и уют разлились в комнате.

– Я рассказал мистеру Фергюсону о нашей поездке и как раз собирался продолжить рассказ о том, чего Вы, Ватсон, пока не знаете. Честно говоря, выходить на улицу в такую погоду мне не хотелось, поэтому работал дома. Мне при-

слали подборку «Норс суррей обсервер» за интересующий нас период. Кроме того, Лестрейд прислал старые дела из архива, которые я ему должен вернуть. И ещё, пока Вы, дорогой друг, увлечённо беседовали со служителем музея, я отлучился и переговорил с директором. Оставил требуемый залог и вот, мне сегодня доставили для изучения интересный экспонат из музея, который мы с Вами осмотрим вместе чуть позднее. Доверие директора объясняется тем, что он также, как и я является членом Королевского исторического общества и, кроме того, читал мой труд о методах реконструкции личности египетских фараонов по содержанию их гробниц. Так вот, век назад, когда пра-прадедушка Генри Фергюсона был священником в приходе своего городка, в радиусе примерно 40 миль был совершён ряд дерзких ограблений. Преступника не нашли.

—Вы хотите сказать, мистер Холмс, что мой предок был грабителем?!

—Нет. Не волнуйтесь, у Вашего предка не было такой возможности. Он был очень занят службой в церкви. Всё время на людях. Ездить за 40 миль, выслеживать, грабить и при том, оставаться незамеченным он просто не мог. И ещё, он был очень набожным человеком, серьёзно относился к акту покаяния. Даже когда случалось уходить из мира отпетым преступникам из тюрьмы, расположенной неподалёку, они просили пригласить именно отца Фергюсона, чтобы он помолился об их душах и напутствовал в последний путь.

Это доказанные факты, не вызывающие сомнений. Жил он скромно, на несколько лет пережил свою супругу. Скончался от сердечного приступа на руках у взрослого сына, который по заранее подготовленному отцом завещанию, получил в наследство крупное состояние. Интересно, что наследство представляло из себя чемодан, набитый денежными купюрами. Об этом писали в местной газете. Сыщики пытались связать эти деньги с грабежами, но не смогли. Пришли к выводу, что они достались священнику от дальнего родственника, который несколько лет назад гостил в его доме. Известно, что он ушёл в очередной рейс на судне «Голубая звезда» и пропал. Собственно, пропало судно. В конторе Ллойда, по прошествии положенного времени, ударил колокол – судно было официально признано погибшим.

– Это всё интересно, Холмс, но не томите нас, на конторке я вижу таинственный свёрток. Это его Вам доставили из музея?

– Да, Ватсон, Вы наблюдательны. Честно говоря, я сам не знаю, что там. Директор музея сказал, что у них есть только одна единица хранения, переданная в музей лично господином Фергюсоном. Вот этот предмет нам и прислали. Давайте посмотрим, что же это такое.

На планете Земля, как и в нашем Университете, заканчивался XX век. После утренней лекции образовалось окно между парами, которое можно было посвятить приведению дел в порядок. В комнате преподавателей мой стол и шкаф

стояли слева от двери. Вдоль стен располагались рабочие места ещё троих коллег.

Собственно, моё основное рабочее место находилось в лаборатории вычислительной техники, которой я руководил. Правда, «руководил» громко сказано, так как там я был в единственном числе, наедине с мультитерминальным компьютером польского производства. Студенты приходили на лабораторные занятия по расписанию и уходили. Те из них, кто не успевал закончить расчёты вовремя, хотели поработать ещё и на перемене. Пришлось написать программу, которая создавала иллюзию, что центральный процессор самостоятельно общается со студентами и предупреждает, что через пять минут питание отключится, чтобы все успели сохранить свои файлы. Досада студентов обращалась на компьютер, и это позволяло поддерживать комфорт во взаимоотношениях. К сожалению, с другими людьми было не так просто.

Через несколько минут подошли коллеги. Они просто хотели общаться, но почему-то располагались всегда возле моего стола, как бы вовлекая в свой круг. Впрочем, причина для этого была. Она крылась в традиции пятнадцатилетней давности, когда темой обсуждений были новости науки и техники. Все были моложе, да и времена были советские. Преподавание в Университете и научная работа считались престижными занятиями. Этот труд общество ценило. С тех пор времена изменились. Разговоры коллег стали

меркантильными и неинтересными. А потребность в уважении со стороны общества свелась к тому, что они, «как-бы», выбрали меня «козлом отпущения». Дело в том, что я был единственным, у кого не было собственного автомобиля. Никогда не было. Не возникало и желания приобрести «железного коня». Таким образом, ясно, кто в традиционной кружке был «белой вороной». Приходилось молчать или вставлять ничего не значащие фразы, вроде:

– Что Вы говорите?!

– Как интересно!

– Правда?!

Вечером, совершенно неожиданно, мне позвонил мой приятель (редкий звонок!), который преподавал в другом вузе и с которым я не виделся со студенческой скамьи. Он попросил дать отзыв на методическое руководство. Решили встретиться в кафе после работы. Хорошо посидели, вспомнили студенческие годы. Когда-то на третьем курсе вместе записались в ДОСААФ и по три раза прыгнули с десантным парашютом с принудительным раскрытием. Собственно, так и мешок картошки может прыгнуть. Но если для меня знакомство с авиацией этим и ограничилось, то товарищ увлёкся техникой. Он рассказал, что несколько лет назад на базе бывшего аэродрома ДОСААФ лётчики организовали коммерческое предприятие, у которого были маленькие самолёты, их сдавали напрокат. Клиентами являлись, в основном, иностранцы, работающие в нашем городе. У себя на родине

они владели самолётами, любили летать и хотели поддерживать себя в тонусе. Аренда стоила 180 долларов за час полёта. Мой приятель уже год посещал курсы пилотов-любителей при этом предприятии, а всего ему нужно было самостоятельно налетать 100 часов, чтобы сдать экзамен на сертификат.

Когда прощались, он предложил:

– Давай в воскресенье поедешь со мной и посмотришь. Я как раз подкопил денег на час аренды. Взять пассажира не могу, так как у меня нет прав пилота, но всё равно будет интересно.

В воскресенье утром синий жигулёнок приятеля доставил нас на аэродром. Подошли к одному из самолётов. Винт впереди, кабина как у двухместного автомобиля, только два штурвала – у инструктора и у курсанта.

– Смотри, как раз идёт директор фирмы. Я тебя познакомлю! Геннадий Иванович, познакомьтесь – мой друг. Мы вместе прыгали с парашютом в ДОСААФ. Ну, я побежал на занятие.

Директор был усатым мужчиной примерно моего возраста, одетым в аккуратный комбинезон.

– Ты, я вижу, как и твой друг, человек увлечённый. Мне как раз нужно облетать самолёт. Садись справа. Надень шлемофон.

Сел в кресло. Захлопнул свою дверцу. Не обнаружил никаких ремней безопасности или парашюта. Молча надел

шлемофон. Услышал в наушниках голос:

– Поехали.

Подумал о директоре:

– Ну, прям Гагарин!

Мотор громко загудел, и машина побежала по грунтовой полосе аэродрома. Среди приборов перед собой узнал высо-
тометр, так как на нём так и было написано.

Рукоятка газа находилась между нашими сидениями, и пилот двигал её вперёд правой рукой. Скорость увеличилась, машина оторвалась от земли и начала взлетать. Подумал:

– Как красиво вокруг, хорошо, что лето... и винт, оказывается, смотреть совсем не мешает – слишком быстро кру-
тится.

Из приятных размышлений вывел голос пилота, как ковш холодной воды за шиворот:

– Принимай управление.

Смотрю, а он отпустил штурвал и отвернулся, глядит в левое окно.

Быстро схватил штурвал, сознание прорезала паническая мысль:

– Надо сказать, что я даже машину водить не умею!

Через секунду:

– Но ведь ничего страшного не случится, если я просто тихонько подержу штурвал!

Пилот повернулся ко мне и скомандовал:

– Высота четыре тысячи, летать будем в радиусе двух километров от трубы ТЭЦ.

Он показал пальцем вправо.

Шок прошёл, и я начал что-то соображать. Конечно, в кино и, краем глаза, в компьютерных играх, в которые играл сын, я видел, что штурвал от себя – это вниз, а штурвал на себя – это вверх. Мы летели вверх, следовательно, сейчас положение штурвала это – штурвал на себя. Так... вот и высотомер подходит к отметке 4000. Медленно двигаю штурвал от себя. Стрелка на приборе замерла на отметке 4000. Так держать! А где труба? Вот она, справа. Плавно поворачиваю штурвал вправо. Что такое, самолёт не поворачивает! Его просто сносит к трубе крылом. Ага, наверно, штурвал поворачивает только руль на хвосте. А как сделать, чтобы поворачивал весь самолёт? Когда доводилось летать пассажиром на больших самолётах, я видел, что при повороте на крыльях опускаются и поднимаются закрылки, элероны или как их там. Логично предположить, что две педали у меня под ногами как раз и служат для этого. Правая – при повороте вправо. Левая – при повороте влево. Попробовать стоит. Тихонько нажимаю правую педаль. Самолёт накренился и полетел на трубу, как надо. Ура! Вот она труба. Прямо передо мной. Отпустил педаль и вернул штурвал в прежнее положение.

Слышу в наушниках:

– А ты зачем пикируешь?

Пилот стучит пальцем по прибору, где маленький профиль самолёта наклонился вниз. Он почти на красной черте, проведённой под углом. Как я узнал потом, там отмечен угол 15 градусов, при котором происходит срыв в штопор. Я так увлёкся поворотом на трубу, что не сообразил – труба-то внизу! Если я вижу трубу перед собой, то самолёт гарантированно летит вниз. Потихоньку забираю штурвал на себя. Высота снова выравнивается до 4000. Пролетел над трубой. Как он сказал – радиус два километра? Не спуская глаз с высотомера, плавно нажимаю правую педаль и поворачиваю штурвал вправо. Потихоньку поворачиваю, поворачиваю. Соображаю, что если так всё и держать, то будет плавный непрерывный поворот по часовой стрелке в горизонтальной плоскости. Может, это два километра, может, не два – какая разница, к трубе всё равно вернёшься. Держу высоту, двигая потихоньку штурвал то на себя, то от себя. Всё это жутко утомительно. За окно совсем не смотрю. Пот со лба мешает, да и некогда, приходится всё время смотреть на высотомер. Быстро взглянул на свои наручные часы. Ого, летаю уже 30 минут. Хватит. Элементарный прагматизм, конечно, помогает даже в управлении самолётом, но физически это очень трудно.

Громко говорю:

– Принимай управление!

Вижу, пилот взялся за штурвал. Уф! Хоть посмотрю на Землю, а то так ничего и не увижу. Расслабился... Как бы

не так!

Слышу в наушниках:

– Ну, ты, я вижу, начинающий пилот, (мысленно сказал себе: «Ха-Ха!»), а вот посмотри, как могут летать опытные лётчики.

Самолёт взмывает свечкой вверх. Потом устремляется вниз. На маленькой высоте над лугом парим в горизонтальном полёте, прямо под самолёт уносится трава и какая-то машина на дороге, впереди виднеется ряд высоких деревьев: вот-вот врежемся! Перед самыми деревьями «взяли» круто вверх. Думаю непрерывно одну фразу:

– Только бы не вырвало!

Плохо помню, как мы сели. Пилот открыл дверцу и ушёл в сторону зданий аэропорта. Я медленно встал на землю, держась за крыло. Идти не мог, земля сильно качалась. Стоял долго. Потом пошёл к офису. Увидел Геннадия Ивановича, поблагодарил и заплатил ему 90 долларов за 30 минут полёта. Приятеля моего нигде не было и я решил идти до трассы пешком.

От аэропорта до трассы протянулась неширокая прямая асфальтовая дорога длиной около километра. По обе стороны под солнцем дремали высокие пирамидальные тополя. Вверху простиралось голубое небо. Оттуда доносилось слабое жужжание самолёта. Может, это мой приятель летал? Дошёл до трассы, перешёл дорогу и увидел площадку перед столбиком с номерами. Подошёл автобус. Его большая дверь

откатилась посредине корпуса. Я встал на нижнюю ступеньку и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.